

И. М. Дьяконов

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ УРАРТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО АССИРО-ВАВИЛОНСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Источники по истории Урарту все еще являются чрезвычайно мало-численными, несмотря на то, что за последние полвека открыт целый ряд надписей урартских царей и работа по их отысканию, изданию и толкованию, в особенности со стороны русских и советских ученых, дала много для разрешения проблем урартской истории. Такие тексты, как найденная академиком И. А. Орбели в 1916 г. в Ване надпись Сардури II, — наиболее пространная из урартских исторических надписей, — и ряд других, более кратких, дают возможность в общих чертах реконструировать историю Урартского государства в период его расцвета¹.

Однако ряд вопросов исторического развития Урарту существующие источники освещают очень скупо или даже вовсе не освещают. В частности, обстоятельства последних лет существования Урартского государства, принадлежащие к важнейшим событиям истории древнего Закавказья и всей Западной Азии, так как речь идет о падении одной из великих держав древнего Востока, до сих пор остаются почти полностью невыясненными, ввиду скудости как письменных, так и археологических источников. В книге Б. Б. Пиотровского были собраны немногочисленные известные данные о последних годах существования Урартской державы. В настоящей работе я хочу, исходя из доступного ассириологического и семитологического материала, предложить толкование этих и некоторых новых данных, позволяющее уточнить обстоятельства падения Урарту с хронологической и исторической точки зрения. Как известно, при недостаточности открытых пока собственно урартских источников, ассириологические материалы нередко дают более полную картину отдельных сторон истории Урарту, и обращение ассириологов к проблемам урартской истории может быть полезным.

До середины VIII в. до н. э. борьба Урарту с Ассирией протекала успешно для Урарту. Однако тяжелые поражения, нанесенные Урарту Тиглатпаласаром III в 743—735 гг. и Саргоном II в 714 г., привели к значительному ослаблению Урартского государства. В большой степени способствовало ослаблению Урарту и вторжение кочевников, киммерийцев и скифов, которое, как это убедительно доказал Б. Б. Пиотровский (ук.

¹ Полную картину положительных результатов, к которым в настоящее время пришла наука в этой области, дал Б. Б. Пиотровский в своем обобщающем исследовании «История и культура Урарту», АН Арм. ССР, Ереван, 1944, гл. VIII и XVI.

соч., стр. 105—108), началось еще до похода Саргона на Урарту¹. Киммерийцы, базировавшиеся, повидимому, на восточную часть Малой Азии², тревожили урартов с запада, а скифы, — по всей вероятности, — с севера и северо-востока. Однако речь здесь идет вовсе не о пограничных набегах. Киммерийцы проникали иной раз весьма далеко от своих баз. Так, ко времени царя Асархаддона (681—668 г. до н. э.) относится запрос ассирийского царя оракулу бога Шамаша об угрозе области Шуприа в Сасунских горах вблизи истоков р. Тигра со стороны киммерийцев и урартов³. То же самое и еще с большим правом можно утверждать и относительно скифов. Если пребывание этих кочевников в стране маннеев (у оз. Урмия), о чем говорит другой запрос ассирийского царя оракулу⁴, еще можно было бы рассматривать как пограничный набег, то появление скифов в VII в. в Палестине, о чем говорят Геродот (I, 105) и археологические источники, показывает, что кочевники пересекали насквозь территорию великих держав древнего Востока.

Это, однако, не приводило к гибели этих держав, хотя само собой разумеется, что такие походы сопровождалось разрушениями и уничтожением производительных сил страны. Несмотря на то, что киммерийцы, а затем, очевидно, и скифы еще с VIII в. бродили, таким образом, по урартской территории и совершали свои разрушительные набеги, Урартское государство не только продолжало существовать в течение всего VII в., но и вело обширное строительство и укрепляло свои позиции в ряде районов, в частности, в Закавказье, временами вступая в союз с киммерийцами и скифами, а временами ведя с ними борьбу⁵. Вплоть до середины VII в. Урарту полностью сохраняет независимость, а в правление Русы II, как показывают данные археологии⁶, даже усиливается.

Тем не менее, в VII в. Урарту уступает ведущую роль в Передней Азии Ассирии. В анналах Ашшурбанапала сообщается, что вскоре после первого разгрома Элама, т. е. около 654 г. до н. э., «урартский царь Руса (II) услышал о могуществе моих богов, и страх перед моим величием победил его. Он послал своих послов (?) приветствовать меня в Арбеле»⁷. В данном случае речь идет только о «приветствии» — дипломатическом акте, предпринимаемом независимой державой по отношению к другой, более могущественной. Но после второго аравийского похода, около 639 г., тот же Ашшурбанапал уже сообщает, что «Сардури (царь Урарту), услышав о мощи и подвигах, которые судили мне великие боги, приветствовал (мое) величество, как сын отца и (соответственно этому) писал: „привет

¹ Кроме тех доводов, которые привел в пользу этой датировки Б. Б. Пиотровский, можно еще указать на то обстоятельство, что в одном из писем из архива ассирийских царей (L. W a t e r m a n, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, Ann Arbor, 1930—1936, I, № 197), в котором говорится о войне Урарту с киммерийцами, упоминается также посольство из Табала от Ахатабиши, дочери Саргона, выданной им за муж за Амбариса, царя Табала. Между тем Амбарис был низложен Саргоном в 713 г., и царство Табал было ликвидировано; стало быть, Ахатабиша не могла находиться в Табале после 713 г.

² Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 295. Можно показать, что другая группа киммерийцев проникла в Южный Азербайджан, но об этом я надеюсь поднять вопрос в другой работе.

³ Документ опубликован в книге J. A. K n u d t z o n, Assyrische Gebete an den Sonnengott, L., 1893, II, № 48.

⁴ J. A. K n u d t z o n, ук. соч., II, № 35.

⁵ О союзе Урарту с «Умманмадой» в середине VII в. до н. э. свидетельствует текст, опубликованный автографически в СТ, XXXV, 44—45, но до сих пор, насколько мне известно, не переведенный и не привлекавший историками. Под «Умманмадой» ассирийцы обычно подразумевали киммерийцев или скифов.

⁶ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I (Археологические раскопки в Армении, АН Арм. ССР), Ереван, 1950, стр. 11.

⁷ M. S t r e c k, Assurbanipal, I, 1916, стр. 286.

царю, моему господину¹». Это уже признание зависимости от Ассирии, во всяком случае формальное, — шаг, на который урартский царь мог пойти только по очень серьезным основаниям²; те же ассирийские анналы подчеркивают, что предки Сардури признавали ассирийского царя «братом», но не «отцом» и «господином». Сохранился фрагмент копии ответного письма Ашшурбанапала к Сардури³, в котором ассирийский царь обещает Урарту свою дружбу.

О дальнейших судьбах Урарту имеется известие в вавилонской хронике, излагающей ход падения Ассирийского государства⁴. Под 17 годом правления Набопаласара (609 г. до н. э.) сохранилось следующее фрагментированное известие: Ашшурбаллит (ассирийский царь, державшийся в то время в районе Каркемиша за Евфратом) перешел со своим войском Евфрат и приблизился к важному городу Северной Месопотамии — Харрану с целью захватить его; он осаждал Харран до месяца улула, но города не взял. Далее говорится: «Царь Аккада (т. е. Вавилонии) подошел [...] битва [...] страна Исалла⁵ [...] города многих стран [...] сжег огнем. В это время войско [...] по области города Урашту⁶ [...]». Далее следует большая лакуна, и сообщение хроники за этот год заканчивается словами «...царь Аккада вернулся в свою страну» (стк. 66 сл.). Обычно эта фрагментированная запись толкуется как описание в вавилонского похода на Урарту. Следует, однако, отметить, что начиная с 14 года Набопаласара хроника сообщает не только о действиях вавилонян, но также и о действиях мидян или же «Умманманды». Если толковать поход на Урарту как вавилонский, то действия Мидии в 17 году Набопаласара останутся неизвестными; между тем несомненно, что в этот критический момент войны (попытка ассирийского контрнаступления) мидяне не могли исчезнуть со сцены. Поэтому мне кажется возможным предложить следующее восстановление текста: «...царь Аккада подошел [к гор. Харрану], битву [дал в] стране Исалла [...] города многих стран [завоевал и] сжег огнем. В это время войско [Киаксара, царя Умманманды, отправилось] до области города Урашту...»⁷ Далее должно было рассказываться о результатах этого похода, и затем, как под 12 годом и в несколько другом варианте под 14 и 16 годами Набопаласара, должно было стоять: «[Киаксар (или «царь Умманманды») со своим войском вернулся в свою страну, и] царь Аккада вернулся в свою страну». С моей точки зрения, таким образом, речь здесь идет о мидянском походе 609 г. до н. э. на Урарту.

Если даже предлагаемое мной восстановление окажется неточным, все же трудно сомневаться в том, что здесь должна была упоминаться Мидия, хотя бы потому, что в это время — как видно из текста хроники — главные силы вавилонян были заняты столь серьезной задачей, как отражение ассирийского контрнаступления. В крайнем случае, поход против

¹ Цилиндр Рассама, стб. X, 45 сл.

² Походы скифов, проходившие столь долго сравнительно безболезненно для Урарту, оказались для него в конце концов губительными, вероятно, потому, что к кочевникам примкнули массы угнетаемого урартской властью населения.

³ L. Waterman, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, № 1242.

⁴ Текст этой хроники опубликован в книге C. J. Gadd, The Fall of Nineveh, 1923.

⁵ Эта страна была расположена к северу от Харрана, южнее истоков р. Тигра.

⁶ Uraštu (вавилонская форма ассир. Ur'artu), вероятно, произносилось Oralt, так как «u», судя по греческим транскрипциям, читалось в позднее время как «o», падежные окончания не произносились, а «s» перед зубными произносилось как «l». Ср. у Геродота «алародии».

⁷ Само собой разумеется, что данное восстановление является лишь примерным и не претендует на дословную точность. Оно преследует только цель дать представление о вероятной конструкции этого места до его разрушения.

Урарту мог бы быть совместным предприятием Мидии и Вавилонии. Как известно, области бывшей Урартской державы к 585 г. до н. э. входили уже в состав Мидии¹. По крайней мере в этом году, по свидетельству Геродота (I, 74), была установлена граница между Мидией и Лидией по р. Галису в Малой Азии, и, таким образом, урартская территория включалась в состав Мидии. Дата эта, подтвержденная астрономически, обычно считается условно за дату падения Урарту. Это, однако, несправедливо. Тот же Геродот сообщает, что война между Мидией и Лидией длилась несколько лет, и, следовательно, Урарту во всяком случае уже и в 590 г. не могло быть самостоятельным государством: очевидно, что мидяне не могли бы вести войну в Малой Азии, имея в тылу непокоренное Урартское государство. Но и этого мало: можно с уверенностью заключить, что уже к моменту раздела «ассирийского наследства» между Мидией и Вавилонией после 605 г. до н. э. Урарту находилась в подчинении у Мидии². В си-парском цилиндре вавилонского царя Набонида рассказывается, что боги прогневались на город Харран и «подняли Умманманду, и он разрушил (харранский храм) и обратил его в развалины», и даже, что вплоть до момента низвержения царства Умманманды, т. е. Мидии, Кирум персидским — «Умманманда окружал его (харранский храм) и силы его были грозны»³. Так как мы не знаем ни о каких войнах между Мидией и халдейской Вавилонией, то из этого отрывка можно заключить, что Харран, а следовательно, и северо-западная Месопотамия достались Мидии при дележе ассирийской территории. Но такой дележ был бы лишен всякого смысла, если бы фланг мидийской части Месопотамии, связанной с Мидией очень длинными коммуникациями, не был бы обеспечен со стороны гор, т. е. если бы мидяне не господствовали к этому времени также и на урартской территории.

Наиболее существенным свидетельством о положении Урарту между походом 609 г. и 590 г. являются данные, приводимые в книге Иеремии. Книга Иеремии содержит, в числе прочего, сборник политических речей, конкретных по содержанию, частью посвященных отдаленным от Палестины странам (Эламу, Вавилонии). Автор обнаруживает хорошее знакомство с международным положением. Интересующее нас свидетельство содержится в одной из речей, посвященных Вавилонии (LI, 27—28), по поводу которых древний составитель книги Иеремии говорит следующее: «Слова, которые продиктовал Иеремия, пророк, Серайе бен Нерии бен Махсее, при уходе его с Цидкией, царем Иудеи, в Вавилон, в четвертый год его правления... И записал Иеремия все зло, какое придет на Вавилон, в одну книгу, все эти слова, написанные против Вавилона. И сказал Иеремия Серайе: как придешь ты в Вавилон, и увидишь и прочтешь эти слова...» и т. д. Таким образом, по библейской традиции, эти речи были записаны и отправлены в Вавилон (очевидно, для поднятия духа уведенных туда уже раньше иудеев) во время поездки царя Цидкии в 594 г. У нас нет достаточного основания сомневаться в правильности этой датировки⁴.

¹ Это само по себе делает вероятным предположение, что Урарту с самого начала входило в «сферу влияния» Мидии, а не Вавилонии.

² Т ю р о - Д а н ж э н (RA, XXII, стр. 27 сл.) относит оккупацию Харрана мидянами (Умманманда) к 610 г., основываясь на письме Навуходоносора, о котором речь будет ниже.

³ I, 12—13, 24—25 (E. S c h r a d e r, Keilinschriftliche Bibliothek, III, 1, стр. 98). См. также у S. L a n g d o n, Neubabylonische Königsinschriften, VAB, IV.

⁴ Так как текст книги Иеремии имеет большое значение для разбираемого вопроса, то следует подробнее остановиться на его датировке. Среди библейских критиков весьма распространено мнение, что все или часть «пророчеств», посвященных отдаленным от Палестины народам, и, в частности, главы LI и LI, являются более поздними. Важнейшими доводами в пользу этого мнения являются следующие: 1) Иеремия

Речи Иеремии против Вавилона предсказывают его разрушение в расчете на конфликт между недавними союзниками — Мидией и Вавилонией. Вся обстановка говорит в пользу датировки L и LI глав временем между 605 г. (год окончания ассирийской войны) и 590 г., к которому относится начало лидийской войны, в корне изменившей международную ситуацию и снявшую с порядка дня конфликт между Мидией и Вавилоном¹.

После этих вводных замечаний перейдем к самому свидетельству книги Иеремии по интересующему нас вопросу. В главе L провозглашается в самых общих выражениях предстоящее падение Вавилона, причем орудием его уничтожения должен явиться некий северный народ: «Вот, народ идет с севера, и великое племя, и многочисленные цари поднимаются от глубины земли; лук и копье они держат, они жестоки и не окажут милосердия, голос их как море ревет, едут на конях, построились, как войны, против тебя, дочь Вавилона»². В главе LI, после столь же общего введения, говорится конкретнее: «Острите стрелы, наполняйте колчаны — поднял Яхве дух царей Мидии, ибо замысел его — разрушить Вавилон», и затем несколько ниже (LI, 27—28): «Подымите знамя в стране, трубите в трубу среди народов, заклиняйте против нее (= Вавилонии) народы, созовите

вообще выступает как сторонник мира и союза с Вавилонией, эти же главы предрекают Вавилонии гибель; 2) специфический интерес к Вавилону и Ирану указывает якобы на более позднюю эпоху, причем о падении Вавилона частично говорится, как о совершившемся факте; 3) текст еврейской Библии сильно расходится здесь с текстом Септуагинты, что, повидимому, указывает на позднюю дату окончательной редакции текста.

Эти соображения западноевропейских библейских критиков представляются нам формальными и базирующимися преимущественно на стилистических и второстепенных текстологических моментах. В противовес этому мнению следует указать на следующие доводы в пользу традиционной датировки: 1) описание падения Вавилона никоим образом не напоминает действительной исторической картины этого события (мирная сдача города персам, взявшим под свою защиту от грабежа храмы и т. п. — и ср. И е р е м., L, 2, 26; LI, 37 и др.); напротив, кажется, что это описание составлено под впечатлением падения Ассирии: так, предсказывается разрушение стен Вавилона путем создания искусственного наводнения (И е р е м., LI, 42), что действительно имело место при взятии Ниневии (ср. Н а у м, II, 6; Д и о д о р, II, XXVII, 1). Стихи 17—18 главы L Иеремии прямо говорят о том, что Вавилону предстоит судьба Ассирии; 2) врагом Вавилонии названа не просто Мидия (термин, который еще мог бы употребляться и в отношении Персии); неоднократно говорится о «северном народе», что может относиться только к Мидии и ее скифским союзникам, но никак не к Персии; 3) термин «страна Мангес», употребляемый в книге Иеремии, немислим позже VII—начала VI вв. до н. э. Это государство неизвестно ни греческим, ни восточным источникам времени Ахеменидов; последнее упоминание о нем, кроме данного текста, имеется в хронике Падда под 616 г. до н. э.; то же верно и относительно «царства скифов», разрушенного, по Геродоту, до 590 г. до н. э.; 4) из вавилонских царей текст знает только Навуходоносора II (605—562 гг. до н. э.). Таким образом, оставляя в стороне вопрос об авторстве этого текста (особенности его направления объясняются, возможно, особенностями адресата — плененных в Вавилоне иудеев, а если автором его не был Иеремия, то это, быть может, и объясняет позднюю канонизацию текста в составе книги Иеремии), можно заключить с уверенностью, что речи, содержащиеся в главах L и LI Иеремии посвящены ситуации, создавшейся в связи с разделом «ассирийского наследства» между Мидией и Вавилонией и напряжением отношений между этими двумя державами, т. е. относятся именно к периоду между 605 и 590 г. до н. э. Я должен здесь выразить мою благодарность К. Б. Старковой, оказавшей мне большую помощь при работе над книгой Иеремии. Отметим, что иная датировка LI главы книги Иеремии (царствование Иоакима, 605 г. до н. э.), приведенная в книге Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту», стр. 136, объясняется технической ошибкой. Эта датировка относится к другой главе книги Иеремии, а в работе Б. Б. Пиотровского следует читать, как и у меня, «Цидкия» и «594 год».

¹ В 585 г. Вавилония выступала посредником между Лидией и Мидией при заключении мира.

² И е р е м., L, 41—42. Ср. И е р е м., VI, 22, где приводится то же «пророчество» против Иудеи.

на него (= царя Вавилона) царства Урарту, Маннеев и Ашкуз (= скифов)¹; назначьте против него начальника², наведите на него коней, как оцептнившуюся саранчу; заклиняйте на него народы с царями Мидии³, и ее наместников, и всех ее начальников⁴ со всей землей владения его⁵. Из всего этого, как мне кажется, видно, что речь идет о предстоящей войне Мидии с Вавилоном, а Урарту, страна Маннеев и царство скифов названы как подчиненные Мидии царства, наряду с «наместниками» и «военачальниками». Действительно, страна Маннеев обыкновенно в той или иной степени зависела от соседних держав и менее всего могла быть независимой теперь, после своего выступления на стороне потерпевшей полный разгром Ассирии (хроника Гэдда, стк. 5); скифы, как явствует из Геродота (I, 106; I, 73), также уже потеряли к этому времени свою независимость в Передней Азии (ликвидация ее последних остатков мидийским царем и послужила поводом к войне Мидии с Лидией в 590 г.); очевидно, что и Урарту упоминается здесь, как зависимое от мидийское царство.

Важно отметить, что, подобно восточным источникам, также и Геродот (I, 134) указывает, что Мидийская держава состояла из ряда подчиненных царств, которые, в свою очередь, непосредственно подчиняли отдельные пограничные племена и территории. Как известно, переднеазиатские царства в своих отношениях с великими державами проходили несколько стадий: «союза», подчинения с уплатой дани и включения в состав державы в качестве наместничества (сатрапии). Как правило, крупные и успешные походы никогда не велись великими державами древнего Востока в областях, которые были отделены от ядра державы полунезависимыми государствами. Можно с достаточным основанием предположить, что для ведения войны в Малой Азии при длинных коммуникациях, проходящих через опасные и неудобные местности урартской территории, Мидия должна была уже некоторое время в полной мере владеть этой территорией. Поэтому мне кажется возможным предложить следующую хронологическую схему: 609—605 гг. до н. э. — подчинение Мидией Урартского государства (быть может, как «союзника» Ассирии — ср. анналы Ашшурбанапала); 605—590 гг. до н. э. — существование Урарту в качестве зависимого от Мидии царства и постепенное окончательное его уничтожение Мидией.

В предыдущем изложении мы исходили из равнозначности терминов «Мидия» и «Умманмаида» и соответственно этому рассматривали именно Мидию, как ту силу, которая привела к падению Урартского государства. Имеется, однако, точка зрения, приписывающая ведущую роль в разрушении Урарту не столько мидянам, сколько скифам. Б. Б. Пиотровский привел в своей работе⁶ ряд веских археологических данных в пользу этой точки зрения. Ответ на этот вопрос, как мне кажется, в значительной мере зависит от решения другого вопроса, — о том, какую роль играли скифы в период ассирийской войны, приведшей в 612—605 гг. к полному уничтожению ассирийского государства. Античная традиция знает, правда, скифов, наряду с вавилонянами и мидянами, в числе тех сил, которые действовали в период разрушения Ассирии⁷. Однако наиболее до-

¹ В традиционном чтении «Арарат, Мидии и Ашкеназ».

² Буквально «писца» — ассирийский термин.

³ Или «мидяи».

⁴ Ассирийские термины.

⁵ Т. е. царя Мидии.

⁶ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 301—306, ср. стр. 324.

⁷ Геродот, I, 103, где скифы упомянуты, как действующие в пользу Ассирии при отце Киаксара, ср. Диндорф, II, XXVI, где упомянуты в качестве изменивших Ассирии союзников не скифы, а бактрийцы (!), но, по Гэдду, якобы имеются в виду

стоверный наш источник, к тому же близкий по времени к излагаемым событиям, а именно хроника Гэдда, при описании ассирийской войны скифов не упоминает. Правда, наряду с термином *maḍai*, т. е. мидяне, здесь упоминается и термин *Ummānmanda*. Но хотя этот последний термин не непременно означает мидян, все же нет сомнения, что в данном тексте он означает именно Мидийское царство.

Термин *Ummān Manda* («войско Манда») ¹ относится, собственно, к литературе оракульских предсказаний. В этой литературе, частично восходящей еще к III тысячелетию, а также вообще в сочинениях «высокого стиля», как правило, употреблялись не современные составителю или переписчику географические и политические названия, а более древние: Аккад, Амурру, Субарту, Умманманда, Гутнум, Маган, Мелухха и т. д. Лишь в комментаторских глоссах и в толкованиях обнаруживается, например, что «Гутнум — это Урарту» ² или «страна Маннесв», «Умманманда — это киммерийцы» ³, «Аккад» или «Субарту — это Ассирия», Маган — Египет ⁴, Мелухха — Эфиопия, Хатти или Амурру — Сирия, Финикия или Палестина, и т. п., хотя первоначально эти термины вне всякого сомнения относились к совсем другим странам и народам. Расшифровка этих условных географических терминов отнюдь не является неизменной. В ассирийских текстах термин Умманманда применяется к северным народам, в частности, к киммерийцам. Вавилоняне нововавилонского периода, с их пиететом перед древней традицией, особенно охотно давали новым государственным образованиям древние имена. Так, Кир персидский титулуется «царем Аншана» ⁵, францы, вернувшиеся в 539 г. в Вавилон, названы в хронике «Гутнум» ⁶. Ассирия регулярно называется «Субарту», Мидийское же царство всегда в вавилонских памятниках носит название «Умманманда» ⁷. Подобно Киаксару, и его сын Астиаг в нововавилонской «Набонидовой хронике» называется «царем Умманманды». Поэтому мне кажется, что нет оснований толковать этот термин иначе в вавилонской же хронике Гэдда, тем более, что она, возможно, является продолжением той же самой «Набонидовой хроники».

Под 11 и 12 годами Набоналасара хроника Гэдда говорит о «мидянах», причем известный нам по Геродоту царь мидян Киаксар (*Umakistar*) ⁸ в сохранившейся части текста упоминается под 12 годом без всякого титула — следовательно, не впервые. Под 14 годом в фрагментированном контексте упоминается «царь Умманманды», причем двумя строчками ниже опять упоминают «Киаксар». Размер испорченного места не позволяет

скифы. Изложение Диодора взято у Ктесия, чья история Мидии находится в полном противоречии с современными событиями документами. Достаточно сказать, что у него Нилевия стоит на Евфрате, что он отрицает существование Киаксара, а разрушение Ниневии относит, по нашему летосчислению, к... X—IX вв. до н. э.!

¹ Или «неведомое войско»? См. ZA, NF, 3, стр. 80, сл. Умманманда «принадлежит к инвентарю исторической географии, имеющей главным источником сказания о Саргоше и Нарам-Сине» (там же).

² F. Thureau-Dangin, 8me Campagne de Sargon, P., 1912, стр. 318.

³ L. Waterman, Royal Correspondence of the Assyrian Empire, II, № 1391: Б. Б. Piotrovskij, ук. соч., стр. 297.

⁴ См. ряд писем ассирийского царского архива и др. Чаще всего Аккад обозначает, впрочем, Вавилонию.

⁵ Сиппарский цилиндр Набонида, I, 29 (E. Schrader, Keilinschriftliche Bibliothek, III, 1, стр. 98); Цилиндр Кира, стр. 12 (там же, стр. 122). Вавилонская хроника Набонида — Кира, II, 1 (S. Smith, Babylonian Historical Texts, стр. 111), несколько ниже Кир называется «царь Парса».

⁶ Вавилонская хроника Набонида — Кира, III, 15—17 (там же, стр. 113). Ср. цилиндр Кира, стр. 13.

⁷ Сиппарский цилиндр Набонида, I, 12, 25—32; стела Набонида из Хилле, II, 3—19 (изд. у S. Langdon, Neubabylonische Königsinschriften), цилиндр Кира, стр. 13.

⁸ Произносится *Uvakistar* (иранск. *Hvaxštra*).

предположить, чтобы здесь, помимо упоминания о вавилонском и «умманмандском» войске, вводилось бы еще упоминание о третьем, мидянском¹. Мы полагаем поэтому, что под «царем Умманманды» понимается всюду тот же Киаксар, а следовательно, «Умманманда» здесь то же, что Мидия. Чтобы пояснить это, привожу транскрипцию соответствующего места из хроники Гэдда, с восстановлениями, причем размер не восстановленных лакун указывается соответствующим числом крестиков; каждый маленький крестик соответствует одному клинописному знаку (разумеется, незначительное расхождение между предполагаемым и действительным числом пропавших знаков возможно). Большой крестик × означает остатки спорных знаков.

(23) ina arah arahsamna ^{māt}ma-da-a-a ana ^{māt}A-rah-hu (!) ur-dam-ma sal-tú ana libbi ^{al}[××× ép^{us}]

(24) šattu 12^{kam} ina arah abi ^{māt}ma-da-a-a a-na eli Ninâ^{ki} ki-i p[i-i ^mU-ma-kiš-tar šarri-su (?)] (25) [illic-]ma i-hi-sam-ma ^{al}Tar-bi-šu âlu sa pe-hat Ninâ^{ki} i[s-š]ab-tu [sil-lat-su iš-ta-lal] (26) [kisad I]-dik-lat ir-di-ma ina eli Assur^{ki} it-ta-di šal-tú ana libbi âli ép^{us}-ma [ina arah × ^{um} ×^{kam}] (27) [Assur^k]ⁱ it-ta-kar tahtê nišê^{me} rabûti^{me} lim-niš istakan^{an} hu-bu-ut-su i^h-ta-bat sil-[lat-su iš-ta-lal] (28) [sar A]kkadi^{ki} u ummâni^{me}-šú sá ana re-su-ut ^{māt}ma-da-a-a illiku^{ku} šal-tú ul iksudu^{du} ^{al}[Assur^{ki} na-kir (?)] (29) [sar Akkadi]^{ki} u ^mU-[ma-ki]s-tar ina eli âli a-ha-mes namru^{mes} tubtu^{tú} u su-lum-mu-u itti a-ha-mes iskunu^{mes} (30) [arki-sú ^mU-ma-ki]s-tar u ummâni^{me}-šú ana mâti-sú it-tur šar Akkadi^{ki} u ummâni^{me}-su ana mâti-sú itturu^{ru} (23) «В месяце арахсамне мидянин спустился в Арапху; бой против города [. . . он дал].

(24) Год 12. В месяце абе мидянин на Ниневию по приказу Киаксара, царя своего (?) (25) [пошел] и затем, поспешив, Тарбис, город в области Ниневии, они захватили, [полон его он полонил]. (26) [По берегу] Тигра он гнался и на г. Ашшур напал, бой против города он дал; [в месяце. . . в. . . день] (27) [Ашшур] он разрушил, резню великих людей злобно устроил, добычу его разграбил, пол[он его полонил]. (28) [Царь] Аккада с войском его, шедшие на подмогу мидянину, боя не застали; гор[од Ашшур (?)] был разрушен (?). (29) [Царь Аккада] и Ки[аксар] у города друг с другом увиделись, дружбу и союз друг с другом они заключили; (30) [После того Киаксар] с войском своим в страну свою вернулся, царь Аккада с войском своим в свою страну вернулись»².

Таково первое упоминание мидян. Термин «Умманманда» появляется впервые в строке 38:

¹ Ср. ZA, NF, 3, стр. 87.

² В конце 24-ой строки Гэдд предлагает читать ki-i i[s-ki-] «когда поднялись»; но, во-первых, это толкование создает синтаксическую трудность, во-вторых, следы знака в конце Гэдда более напоминают знак ri, чем знак iš; ki ri «по приказу» — очень обычное выражение.

Несомненно, что Киаксар не мог впервые упоминаться только в строке 29, так как там никак не пояснено, кто это такой. Отсюда мое восстановление. Следует также при-нять во внимание возможность восстановления. ki-i p[i-i ^mU-ma-kiš-tar šar Ummân-man-da] — «по прик[азу Киаксара, царя Умманманды]», хотя такое восстановление несколько хуже подходит к размеру разрушенного места.

Конец стк. 25, очевидно, следует восполнить одной из обычных в этих случаях формул. Я выбрал ту, которая лучше подходит по числу знаков. В конце стк. 26 я восстанавливаю дату, по аналогии с другими подобными местами хроники (взятие Ниневии). Дата (месяц) возможна и в начале стк. 30 ([ina arah × ^mU-ma-k]iš-tar и т. д.).

(38) [sattu 14^{kam}] šar Akkadī^{ki} ummāni^{me}-šū id-ke-[e-ma ù m^ú-ma-kis-ta]r šar Ummān-man-da ana tar-si šar Akkadī^{ki} (39) [××××] × [××××] × [×××××××] ú a-ḥa-meš i-ta-am-ru (40) [š]ar Akkadī^{ki} [×××××××××××] ma [m^ú-ma]-k[is]-tar [nār Ra-da-]a-ni(?) ú-se-bir-ma (41) [ki]sad Ī-dik-lat illikū^{me}-ma... (Следует описание осады и взятия Ниневии) (47) arah ulūli ùm 20^{kam} m^ú-ma-kis-tar u ummāni^{me}-šū ana māti-su it-tur arki-su šar Ak[kadī^{ki}××××]

(38) «Год 14». Царь Аккада войско свое собра[л, а затем и Киакса]р, царь Умманманды, навстречу царю Аккада (39) [.....] они (?) [.....] друг с другом они увиделись. 40 [Ц]арь Аккада [.....] и затем [Ки]аксар [через реку (?) Рада]н¹ (?) заставил перейти и затем (41) берегом Тигра они пошли.... (Следует описание осады и взятия Ниневии). (47) В 20-й день месяца улула Киаксар с войском своим в свою страну вернулся. После того царь Ак[када].... (Следует описание дальнейших военных действий царя Вавилонии в Ассирии. Текст довольно сильно разрушен и в сохранившихся частях «Умманманда» более не упоминается до 16 года Набопаласара)².

Из восстановленного нами текста можно, таким образом, заключить, что под «царем Умманманды» всюду понимается все тот же Киаксар, царь мидян, а следовательно, «Умманманда» — это Мидийское царство. То, что оно называется то madai, то Ummānmanda, не удивительно, если учесть, что термин «Умманманда» употреблялся вавилонянами в смысле «варвары». Так и Ассархаддон называет своего противника Теушпу и «кимерийцем» и «умманманда», а маннеев — также и «гутиями»³. В вавилонской «набонидовой» хронике, являющейся, вероятно, продолжением таблички Гэдда, Кир называется то царем «Аншана», то царем Персии⁴.

В начале стк. 27 я восстанавливаю [Aššur^k] = [BAL.TIL^k]¹, — что лучше подходит по размерам лакуны, чем [ālu^k]¹, восстановления Гэдда. В конце стк. 28 восстановление дано предположительное, по смыслу. Остальные восстановления предложены еще Гэддом и вполне очевидны.

¹ Совр. Адем, впадающий в Тигр выше Багдада.

² Наше восстановление здесь основано на следующих соображениях: 1) совершенно очевидно, что приход Киаксара с его войском должен был упоминаться ранее конца строки 40, и что это упоминание не могло уместиться в число пропавших 10—12 знаков середины этой строки, где должны были быть указаны также действия вавилонского царя, упомянутого в начале той же строчки. Следовательно, свидание, упомянутое в строке 39, состоялось, как и в строке 29, между вавилонским царем и Киаксаром; 2) поскольку об отдельном царе Умманманды во всем отрывке, содержащем описание столь важного события, как взятие Ниневии, ни словом больше не упоминается, а речь идет только о Киаксаре и о вавилонском царе, то напрашивается вывод, что всего и было два царя; «царь Умманманды» в строке 38 должен быть Киаксар, а «Умманманда» и Мидия — одно и то же, что вообще соответствует вавилонскому словоупотреблению; 3) перед словами «царь Умманманды» в строке 38 стоят остатки знака, больше всего напоминающие конец знака MAT, но могущие также быть остатками знаков GU, TAR, и других. Во всяком случае, эти остатки знака в строке 38 не позволяют восстановить какое-либо имя, соответствующее геродотовскому вождю скифов Μάβουζ. Попытка Кенига видеть в «[.....]GU (??), царе Умманманды, того Ἀρζαχίης, которого чрезвычайно недостоверный рассказ Ктесия делает победителем ассирийцев, весьма мало убедительна (как, впрочем, и вся крайне фантастичная книга Кенига), тем более, что и Ктесиев Арбак — мидянин. См. F. W. König, Älteste Geschichte der Perser und Meder, «Der Alte Orient» 33, 3/4, стр. 41. Я предлагаю поэтому читать строку 38 как приведено в тексте. Ср. ZA, NF, 3, стр. 87. «Навстречу» (ana tar-si) в той же строке, конечно, не обязательно значит «против», что обычно выражается не столько через «ana tar-si», сколько через «ana eli», «ana libbi».

³ Призма «А», II, 25—31 (IR, 45«f») = ARAB, II, §§ 530—533.

⁴ Следует также иметь в виду, что, хотя копия текста писалась, несомненно, одновременно, позже событий, сам текст представляет летопись, писавшуюся, вероятно, год за годом. Отсюда возможны расхождения в терминологии разновременных записей.

Конечно, текст, на который нам приходится опираться, — в плохой сохранности, однако в примечаниях к нашему восстановлению, как кажется, показана полная невозможность втиснуть в лакуны этого текста известия о трех, а не двух участниках ассирийской войны, не считая самой Ассирии. Во всяком случае, время доказательства противного должно лежать на сторонниках теории трех участников. Однако окончательно решает вопрос, с моей точки зрения, сообщение хроники под 16 годом Набопаласара. Здесь говорится: «В 16 год в месяце аяре царь Аккада... пошел на Ассирию; от месяца [аяра?] до месяца арахсамна он победоносно ходил по Ассирии. В арахсамне Умманманда [.....] пришли на помощь царю Аккада, и войска их смешались между собой; на Харран за Ашшурбаллитом, сидевшим на престоле Ассирии, они пошли...» (стк. 58 сл.). Параллельно этому у нас имеется письмо Навуходоносора II, тогда еще царевича, в котором говорится: «Царь спустился в область Харрана, и с ним спустилось многочисленное войско страны мидян¹. Едва ли может быть сомнение в том, что здесь речь идет об одном и том же походе, так как второй поход Набопаласара на Харран проходил без участия союзников (хроника Гэдда, стк. 66 сл.) Между тем Навуходоносор в своем письме говорит о мидянах там, где хроника говорит об «Умманманде».

Следовательно, можно считать, что прав не Гэдд, а его критики, и хроника Гэдда знает только двух союзников по разрушению Ассирии: Вавилонию и Мидию. Если поэтому, как мне кажется вероятным, поход «Умманманды» 609 г. до н. э. против Урарту привел к потере этим государством его самостоятельного положения, то мы вправе говорить о том, что государство Урарту было подчинено Мидией².

Однако можно поставить вопрос — как понимать термин «Мидия»? Б. Б. Пиотровский указал в своих работах на огромное значение факта находки наконечников стрел так называемого «скифского» типа у стен ряда городов в этот период, причем в некоторых случаях по месту находки можно с уверенностью заключить, что стрелы принадлежали осаждавшим. Среди мест, где найдены «скифские стрелы», Б. Б. Пиотровский называет Хайкаберд и Топрах-кале в центре Урарту, Нимруд и Куянджик — в центре Ассирии, Тарс и Алишар — в Малой Азии, Аль-Мина и Джерар — в Палестине, также ряд мест северного Египта и, что особенно важно, Ашшур, Вавилон и Тейшебаини (современный Кармир-блур близ Еревана, на севере Урарту), где эти стрелы бесспорно принадлежали осаждавшим. Поэтому весьма вероятно, что войско Мидии — «Умманманда» включало не только собственно мидян, но и скифов-«ашкуз» и другие племена «скифского типа». Геродот (I, 103, 106) говорит о временном подчинении мидян скифам незадолго до падения Ассирии, а затем о подчинении скифов Мидии в правление Киаксара. Мидийское государственное образование вообще было составным, слабо централизованным, на что также указывает Геродот (I, 134), и недаром книга Иеремии говорит о «царях» Мидии, а цилиндр Набонида говорит о «царях, союзниках Умманманды»³. Также и с археологической точки зрения при современном состоянии знаний мы не можем отделять мидян от скифов: вооружение и вообще материальная культура мидян были, повидному, близки скифским; Б. Б. Пиотровский указывает, что часть «скифских» стрел может

¹ «Revue d'Assyriologie», XXII, (1925), № 1, стр. 27—28.

² Б. Б. Пиотровский принял теперь точку зрения о захвате Тушпы, столицы Урарту, Мидией, см. его «Кармир-блур», I, Ереван, 1950, стр. 12.

³ «Умманманда, о коем ты говоришь, сам он, страна его и цари, союзники его — не существуют (больше);... Кир, царь Аншана, его малый раб, собственными слабыми силами рассеял многочисленных Умманманда» (I, 26 сл.).

быть отнесена и к мидянам¹, что подтверждается, между прочим, тем фактом, что такие стрелы были найдены не только у стен Ашшура, но и у стен Вавилона, который, насколько известно, никогда не осаждался скифами, но зато осаждался персами и мидянами. Любопытно, что, как сообщает Геродот (I, 73), мидяне обучались стрельбе из лука у скифов.

В этот период падения прежних переднеазиатских государств против ассирийцев, урартов и т. д., конечно, могли в тех или иных случаях выступать и собственно скифы (ашкуз) — самостоятельно или как орудие Мидии. Это особенно могло касаться такого центра, как Теишебаини (Кармир-блур), оплота Урарту на севере, где позиции скифов должны были быть особенно сильными и где скифский материал не ограничивается одними стрелами осаждавших, но, как показал Б. Б. Пиотровский в ряде своих работ, пронизывает весь комплекс памятников материальной культуры. Но и здесь вряд ли дело обошлось без содействия либо Мидии, либо какого-то населения, знакомого с переднеазиатским осадным делом, или же мы должны предположить, что ко времени осады этой крепости закавказское скифское царство успело овладеть военной техникой восточных народов древней оседлости².

В начале настоящей работы мы останавливались на том факте, что кочевники — скифы и киммерийцы — могли проходить через всю территорию таких государств, как Урарту или Ассирия, не прекращая, однако, тем самым их существования и даже, повидимому, не слишком сильно подрывая их жизнеспособность. Мне кажется, это объясняется именно тем, что кочевники, не обладавшие, конечно, развитой переднеазиатской осадной техникой, не могли разрушить костяка этих держав — укрепленных городов и крепостей — без помощи народов, знакомых с осадным делом, может быть, в том числе и народов, входивших в состав самого Урарту³. Для разрушения великих держав древнего Востока были необходимы совместные действия внешней вооруженной силы и местных народных масс, и сочетание переднеазиатской военной техники, которой обладала Мидия в конце VII в., с массовой коннострелковой тактикой скифов. Так или иначе, роль различных племен и этнических элементов в крушении Урарту еще предстоит доследовать.

Само же уничтожение государства Урарту мне кажется в настоящее время правильным приписать Мидии, — может быть, не только мидянам в узком смысле слова, — причем момент потери самостоятельности Урартской державой отнести к походу 609 года и ближайшим за этим годам. Ликвидацию же остатков урартской независимости следует отнести к первым двум десятилетиям мидийского господства, которое расчистило место для создания позднейших армянского и иберского государств.

¹ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 303.

² Б. Б. Пиотровский датирует падение крепости Теишебаини началом VI в. до н. э. («История и культура Урарту», стр. 136). Вряд ли закавказское скифское царство могло быть вполне независимым от Мидии в это время.

³ Б. Б. Пиотровский считает, правда, что питатель Теишебаини была взята изнутри города, в результате содействия населения; но это не означает, что войско, занявшее цитадель, могло не владеть осадной техникой. Раскопки показывают, что крепость была весьма мощной и прекрасно снабжена всем необходимым, а осада была длительной. Такая осада, конечно, не могла быть предпринята без того, чтобы осаждающие имели в своем распоряжении соответствующую технику и необходимые военные знания, независимо от расчетов на поддержку населения.